

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 3 (72). С. 9–13.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2022. Vol. 3 (72). P. 9–13.

Научная статья
УДК 94(47).07
doi: 10.54398/1818510X_2022_3_9

СЕКТА ИУДЕЙСТВУЮЩИХ В АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНИИ XIX в.: МИХАЙЛОВСКИЙ «БУНТ»

Канатьева Наталья Сергеевна

Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, Астрахань, Россия
Nessy71@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2326-2540>

Аннотация. В статье описывается религиозный инцидент, заключавшийся в открытом неповиновении и отказе от икон, группы сектантов-иудействующих, проживавших в селе Михайловка Астраханской губернии в середине XIX в. Термин «бунт», вынесенный в заглавие, заключен в кавычки, т.к. большого масштаба этот инцидент не приобрёл. Тем не менее, для возвращения сектантов в лоно православия потребовались административно-военное вмешательство и угроза высылки. Цель статьи заключается в установлении особенностей поведения сектантов иудействующих в губернии, в частности, повышенному градусу религиозности, подчинению лидерам сектантских групп и конфликтности по отношению к церковным и светским властям. Автор делает вывод о преобладании милитаристического способа управления на пограничных, фронтальных территориях, в частности, на Нижневолжском фронтире, к которому относилась Астраханская губерния. Актуальность и научная новизна статьи заключаются во введении новых данных в научный оборот и анализе поведения астраханских сектантов-иудействующих в условиях внешнего подавления как со стороны внутренней миссии Русской православной церкви, так и администрации губернии. В статье применены аналитический, интерпретативный и аксиологический научные методы.

Ключевые слова: иудействующие, жидовствующие, геры, иудаизанты, субботники, внутренняя миссия, миссионеры, Нижневолжский фронт, Астраханская губерния, милитария

Для цитирования: Канатьева Н. С. Секта иудействующих в Астраханской губернии XIX в.: Михайловский «бунт» // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 3 (72). С. 9–13. https://doi.org/10.54398/1818510X_2022_3_9.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

SECT OF JUDAIZERS IN ASTRAKHAN PROVINCE OF THE XIX CENTURY: MIKHAILOVSKY "REVOLT"

Nataliia S. Kanatieva

Astrakhan State University named after of V. N. Tatishcheva, Astrakhan, Russia
Nessy71@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2326-2540>

Abstract. The article describes the religious incident, which consisted in open disobedience and refusal of the icons, the group of sectarian-judaizers living in the village of Mikhailovka Astrakhan province in the middle of the XIX century. The term "revolt", rendered in the title, is enclosed in quotes, because large scale this incident did not buy. Nevertheless, administrative-military intervention and the threat of expulsion were required to return sectants to Orthodoxy. The purpose of the article is to establish the peculiarities of the behavior of the sectarians of the people in the province, in particular, an increased degree of religiosity, submissal by the leaders of sectarian groups and conflict with respect to the church and secular authorities. The author concludes that the predominance of the militating management method on border, frontier territories, in particular, in the Nizhnevolzhsky Frontyr, to which the Astrakhan province belonged. The relevance and scientific novelty of the article are to introduce new data into scientific turnover and analysis of the behavior of the Astrakhan sectarians-judaizers in conditions of external oppression, both by the internal mission of the Russian Orthodox Church and the Administration of the province. The article applies analytical, interpretative and axiological scientific methods.

Keywords: Judaizers, Judaizants, Subbotniks, Gers, Judors, Internal Mission, Missionaries, Nizhnevolzhsky Frontier, Astrakhan province, Militocracy

For citation: Kanatieva N. S. Sect of Judaizers in Astrakhan province of the XIX century: Mikhailovsky "revolt". *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2022, no. 3 (72), pp. 9–13. https://doi.org/10.54398/1818510X_2022_3_9.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Секта русских иудействующих всегда будет стоять несколько наособицу по сравнению с другими старорусскими сектами – по мнению Санкт-Петербургского исследователя А. А. Панченко, «история и культура русских иудействующих интересны ... в силу ... своей этнографической специфики – реальной или кажущейся социальной и религиозной экзотики» [7, с. 12]. По-видимому, упомянутая экзотика заключается, в первую очередь, в том, что иудеями считали себя люди, родившиеся в иной этнической и конфессиональной традиции.

Появление движения иудействующих в России относится примерно к 1765 г. [3, с. 146–154], причём ареал распространения сектантов достаточно широк; деревни или компактные проживания были в Закавказье, на Кубани, в Астраханской и Воронежской губерниях, в Сибири. Касательно количества иудействующих на протяжении всего XIX в. существуют разночтения: например, этнограф Минц считает «казённые», как он выражается, источники недо-стоверными: «Казённые источники давали цифру тысяч в двадцать. Но поскольку многие из них (иудействующих. –

Прим. Н. К.), возвращённые в лоно христианства, тайно продолжали верить по-иудейски, цифру можно принять в несколько раз большую» [9, с. 101].

Доктрина иудействующих и единое название секты, для всех её адептов, рассеянных на достаточно большой территории, помимо очевидного из названия возврата к постулатам Ветхого Завета, так и осталась несформированной. В литературе авторства как церковных миссионеров XIX в., так и современных учёных, встречаются многочисленные наименования иудействующих. Во многом это объясняется (помимо путаницы, вносимой не всегда достаточно образованными миссионерами), неустоявшимися, в отличие от духоборов и молокан, самоназваниями. Кроме того, сектанты, считающие себя иудеями, назывались по-разному в зависимости от места проживания и окружения; сходные названия сектантов зачастую имели разное значение. К примеру, «талмудисты», проживавшие в Закавказье и Поволжье, не желая считаться «караимами», использовали самоназвание «геры», тогда как «субботниками» миссионеры Русской православной церкви называли «караимов» [7, с. 23].

В Астраханской губернии ситуация с названиями сектантов, как внешними, так и внутренними, была одновременно проще, и сложнее. Проще потому, что «субботниками» именовались все «русские иудеи: и те, что переселились сюда из Воронежской губернии, и те, что перешли в веру Моисееву из молокан. Сложнее же потому, что возникла неизбежная путаница в атрибуции сектантов, и, в первую очередь, это затрудняло деятельность православных миссионеров по противодействию отпадению от православия и возникновению религиозного диссидентства.

Такое положение неизбежно привело к вынужденной необходимости считать все вышеперечисленные наименования-конфессионалы сектантов, признающих в качестве священной книги Ветхий Завет, одинаковыми по смыслу и принадлежащими религиозному движению иудействующих. Единое и устраивающее всех заинтересованных лиц название секта так и не получила. При этом отметим, что наиболее частым наименованием, использовавшимся в официальных документах, – таких, как переписка должностных лиц, законодательных актов Министерства внутренних дел, судебных делах и пр., а также полемических и исследовательских статьях и работах миссионеров, – оставались конфессионалы «жидовствующие» или «иудействующие».

В научных трудах современных учёных, посвящённых феномену «русских евреев» [15] употреблялось и ещё одно название – иудаизанты.

Предлагаемая статья посвящена так называемому «бунту» группы сектантов иудействующих в селе Михайловка Астраханской губернии, произошедшему в середине XIX в. Цель статьи заключается в установлении особенностей поведения сектантов иудействующих в губернии; в частности, повышенному градусу религиозности, подчинению лидерам сектантских групп и конфликтности по отношению к церковным и светским властям. Актуальность и научная новизна статьи заключаются во введении новых данных в научный оборот и анализе поведения астраханских сектантов иудействующих в условиях внешнего подавления как со стороны внутренней миссии Русской православной церкви, так и администрации губернии. В статье применены аналитический, интерпретативный и аксиологический научные методы.

Основная часть

В границах Астраханской губернии XIX в., иудействующие-субботники были впервые отмечены не позже начала XIX в. [7, с. 27]. Первые сектанты были переселенцами из Воронежской губернии; в Астраханскую губернию они переехали добровольно и по одобрению воронежского губернатора, о чём мы можем судить по его сохранившемуся ходатайству на имя министра внутренних дел: «На сих днях (14 мая 1806 г. – Прим. Н. К.) поступила ко мне просьба секты сей однодворцев сел Клеповки и Гвазды Антона Рогова и Алексея Бочарова, которые описывая настоящее их в таком суеверии положение, и что по разному их принуждаются от жителей тех селений чувствовать различные их укоризны и притеснения, а посему во избежание дальнейших могущих произойти от того им обид и угнетений, желают с семействами своими в числе пятидесяти семи душ состоящими переселиться из Воронежской в Астраханскую губернию» [7, с. 27]. Ответ из министерства был положительным, но с оговорками: «дозволить им отправиться в путь ... наблюдая однако ж, чтоб ... не было таких, о коих вы в мае месяце писали, что придерживаются Моисеева закона» [7, с. 27]. Отметим, что решения проблемы отделения «агнцев от козлищ», т.е. православных от сектантов, в то время не существовало. До тех пор, пока переселенцы открыто не демонстрировали свою приверженность «Моисееву закону», обвинить их в сектантстве не было оснований. Как и в случае с другими сектантами, вычислить уклонение от православия можно было лишь по отказу от обязательной исповеди, что должно было фиксироваться приходскими священнослужителями в так называемых исповедных ведомостях. Таким образом, мы узнаём, что в 1807 г. в селе Пришиб впервые от исповеди отказались 784 человека [1, с. 14–16].

По поводу появления иудействующих в губернии существует и другое мнение. О. Иоанн Саввинский считал, что иудействующие в губернии стали отмечаться одновременно с молоканами [12, с. 391]; при этом он также уточнял, что у «новой ереси» есть несколько названий: «ересь жидовская, которая иначе называется в доношениях иконоборческой или субботнической» [12, с. 391].

Владимирская исследовательница Татьяна Хижая в движении иудействующих отводила основную роль личностям лидеров: «в первой четверти XIX в. движение иудействующих породило фигуры вождей, осуществляющих проповедь учения, наставляющих уже обращенных, выполняющих богослужебные функции в сектантских сообществах, выступающих в качестве представителей своих общин в отношениях с властями. Это пассионарии, отличающиеся непреклонностью, твёрдостью, а подчас и фанатизмом в защите и пропаганде своих взглядов. Наличие таких лидеров было важной составляющей успеха движения, которая прослеживается не только в эпоху Александра I, но и впоследствии. Учительство продолжало играть свою роль на протяжении всего XIX в., хотя и в меньшей степени, а устойчивость сектантских общин обеспечивалась авторитетом и деятельностью наставников, «раввинов» и т. д.» [14]. Это мнение современной исследовательницы основывается прежде всего на работах миссионеров XIX в. [2, с. 798–799; 4, с. 541–542].

Роль подобных пассионариев мы можем видеть на примере хроники одного губернского села, в организации так называемого «михайловского бунта». В 1845 г., по предложению палаты Государственных имуществ, на участке Линейного тракта, относящемся к Зинзилинской оброчной статье, было образовано село Михайловка. Туда были переселены крестьяне из различных сёл Астраханской губернии: Никольского, Пришовки, Пироговки, Золотухина, Болхунов, Солодников, Бахтемира, в количестве 106 человек [6, с. 653].

Вначале сектанты, как позднее оказалось, бывшие среди переселенцев, себя никак не проявляли. Но в 1848 г. состоялось, как пишут миссионеры, «массовое отпадение от православия», которое выразилось в заявлении 6 михайловских крестьян, поданном в Абасинское сельское управление, ведению которого подлежала Михайловка, где

они объявляли «свое желание в духовном христианстве» [6, с. 654]. Помимо заявления, михайловские крестьяне принесли сельскому старосте свои иконы, «сохранно и благополучно» [6, с. 656].

Публичный отказ от икон – весьма распространённое явление в жизни сектантов в XIX в. Львов придаёт этому акту глубокое значение: «анализируя сообщения приходских священников начала XIX в. о группах крестьян, которые приносили им свои иконы со словами «Нате ваше вам, а нам их не надобно, ибо это есть кумиры и болваны», необходимо обратить внимание на библейское слово «кумир» отсылающее к запретам на идолопоклонство в Пятикнижии Моисея» [7, с. 44–45].

В рамках своего утверждения о том, что иудействующие – это текстуальное сообщество, Львов, опираясь на методологию Стока, считает демонстративный отказ от икон не «отголоском иконоборческого учения, неизвестно кем и откуда занесённого в российскую глубинку, а устным знанием письменного текста, оказавшегося доступным неграмотным крестьянам» [7, с. 45]. Нам, однако, представляется, что отказ от икон был одним из способов самоидентификации сектантов, своего рода декларацией о намерениях.

Вопрос отношения суботников к иконам как к идолам был одним из самых важных для проведения миссионерских дискуссий в конце XIX в. Хижая пишет, что «попытки миссионеров провести границу между иконами и идолами оказывались тщетными. Суботники не воспринимали аргументы, которые не базировались на цитации священных текстов. А православные, в свою очередь, не могли в этих условиях полноценно использовать потенциал святоотеческого богословия, раскрывающего сущность христианского поклонения иконам. Их доводы оказывались неактуальными для представителей типичного текстуального сообщества» [13]. Но в то же время «строгий запрет на изображения не исключал в суботнических общинах заместительных практик и практик визуализации. Это замена икон Библией и сакральными надписями, использование картин на ветхозаветные сюжеты, наличие рисунков, изображающих Всевидящее Око, и ритуал почитания изображения Моисея, напоминающий обряд поклонения иконе в православии» [13].

Но вернёмся к михайловским сектантам. К 1849 г. из 206 душ населения Михайловки более 60 человек были суботниками [6, с. 654].

По мнению миссионеров, первопричиной роста сектантства в Михайловке и демонстративного отказа от икон было то, что «в состав ... населения вошли жители сёл, издавна заражённых сектантством» [6, с. 654], и в первую очередь, это, конечно, сёла Пришиб и Никольское. Но, кроме того, «отдалённость от Астрахани и плохое состояние путей сообщения сопровождалось если не совершенным отсутствием, то недостатком бдительного надзора за сектантами со стороны не говоря уже гражданской, но и духовной власти» [6, с. 654].

Итак, «иконоборческий бунт» свершился. Получив уведомления об этом, Астраханская духовная консистория вынуждена была срочно реагировать. Был составлен план совместных действий духовных и гражданских властей. Причём если духовные лица ограничивались увещаниями (правда, уходить со встреч с миссионерами сектантам было запрещено), то административные меры простирались вплоть до выселения лиц, заподозренных в сектантстве, на прежнее место жительства [6, с. 654]. Кроме того, штат священников усиливался ещё двумя, присланными из Икряного и Абасов, Владимировым и Чиганакским. К сожалению, более точных имён священников установить пока не удалось. В Астраханской епархии был священник Георгий Васильевич Владимиров, последним местом служения которого являлась Крестовоздвиженская церковь села Солодовники Царевского уезда [5, с. 165]. Но в указанное время ему было всего лишь 10 лет. Остаётся предположить, что это был его отец. Что же касается Чиганакского, то о нём узнать ничего не удалось.

О ходе увещаний священники должны были еженедельно докладывать непосредственно архиепископу Астраханскому Евгению [6, с. 656].

К сожалению, прекрасный план не осуществился. Владимиров не смог задержаться в Михайловке, местный священник был обременён своими обязанностями, и противостоять сектантам остался лишь Чиганакский. В марте 1849 г. он писал в Консисторию: «Для спасения других от вредного действия сектантов нет более средств, как удалить оных из селения Михайловки, не допуская до дальнейшего распространения ереси. Их может убедить только одно: военная служба» [6, с. 657].

В том же месяце из Михайловки были высланы снова в Пришиб и Никольское 18 суботников; дальнейшее их увещание было возложено на священника Виноградова [6, с. 657]. Логика миссионеров кажется странной – высылать сектантов в село, которое было признано столицей астраханского сектантства. Остаётся предположить, что они надеялись на более опытных миссионеров в Пришибе, которые могли бы совладать с упорствующими. Что же касается Михайловки, то миссионеры признали: «дело борьбы ... принимало нежелательный для православия оборот», и «создавалась ... необходимость чрезвычайных мер для противодействия пропаганде суботников» [6, с. 657].

Как мы помним, с самого начала «михайловского отпадения» за ним внимательно следил архиепископ Астраханский Евгений. Он принял решение послать в Михайловку настоятеля градской Гостинно-Николаевской церкви, известного, опытного и знающего миссионера, члена Астраханской духовной консистории протоиерея Н. А. Ливанова.

Ливанов и прежде выезжал в губернские сёла и деревни по миссионерским делам, он побывал в Чапурниках, увещывая отпавших от православия крещёных татар, и в Пришибе, где работал с молоканами. У Ливанова даже было поэтическое прозвище, данное ему почитателями его миссионерского таланта – «пастырская свирель правоверия», которая «часто препожедала и гунзивые сопели и нестройные звячания сектантских богоборных мудрований» в «притоны молоканские и гнездилщища жидовския» [6, с. 658] (к сожалению, не удалось найти автора столь выразительных эпитетов. – Прим. Н. К.).

Ливанов был не один, а с другим, менее знаменитым миссионером, священником градской Иоанно-Златоустовской церкви Розановым. Им была вручена составленная архиепископом Евгением «особая письменная инструкция», которая содержала «всевозможные доводы к опровержению того, на чём молокане основывают ересь свою». К тому же перед отъездом священники побывали у архиепископа Евгения на «особой беседе» [6, с. 658].

В свою очередь, гражданские власти также обязали участвовать в деле спасения михайловских крестьян от молоканско-суботнической ереси. Попечителю Яндыко-Мочажного улуса Рославлеву было дано предписание находиться в Михайловке во всё время пребывания там городских миссионеров, «помогать делу миссии зависящими от него распоряжениями и наблюдать за тем, чтобы увещателям были доставлены возможные удобства к пребыванию в селе» [6, с. 657].

«Увещатели» прибыли в Михайловку в марте и задержались до конца мая. К этому времени «болезнь не успели остановить в самом начале – и она охватила весь организм» [6, с. 657]. Сектанты представляли собой хорошо организованную и сплочённую общину, во главе которой стояли крестьяне Максим Рошелкин и Иван Каширский. По записям Ливанова, они дополняли друг друга: один был грамотным, другой зажиточным, один «сильно поддерживал прочих в заблуждениях», другой «оказывал небезнамеренную благотворительность бедным членам общины» [6, с. 657]. Вдвоём они так объединили своих односельчан, что те были «одушевлены одной мыслью: переселиться в Закавказье, чтобы там добиться свободы вероисповедания, чего не могли достигнуть в Михайловке. Мечты о переселении выразились в форме нелепых рассказов о какой-то Белореции или Белой Арапии, с мыслью у которой у сектантов связывалось представление о стране где им будет предоставлена полная свобода в жизни и вероисповедании своих лжеучений» [6, с. 658–659].

Обратим внимание на полное сходство этих представлений со старообрядческими мечтами об Опоньском царстве и Беловодье [8, с. 535; 10, с. 8–14; 11, с. 115–133; 16, с. 165–166; 17], находящемся там.

Миссионеры быстро осознали, что не в силах справиться со сплочёнными и решительными сектантами, и, как это зачастую и происходило во внутренней миссии, был привлечён административный ресурс. Генерал-майор Тагайченков, прибыв в село, собрал сход, на котором сектантам было описано их ближайшее будущее: «малолетних детей отберут [и] отдадут на воспитание [в] дома православных; мужчинам от 20 до 40 лет предстояла военная служба без очереди; всем остальным грозило поселение в Сибири» [6, с. 658–659].

Угрозы были более чем серьёзными. К тому же, к этому времени сектантская община оказалась обезглавленной: лидеры сектантов, Рошелкин и Каширский, были отправлены в Астрахань, где и находились в ведении Духовной консистории несколько дней, с 10 по 13 мая. Ежедневно с ними проводились беседы и увещания, итогом которых стало присоединение обоих к православной церкви [6, с. 660]. Оставшиеся без лидеров и запуганные михайловские сектанты к 31 мая в полном составе также присоединились к православию [6, с. 659].

Как справедливо замечал Львов, «сектанты вовсе не стремились умереть или пострадать за веру: некоторые из них, не выдержав угроз, принимали православие «наружно», другие шли до конца, многих власти просто не замечали» [7, с. 47].

Уже упомянутая владимирская исследовательница Татьяна Хижая также отмечала, что «одновременно с настойчивостью и бесстрашием «жидовствующие» могли при случае и отказаться от своих убеждений, соблюдая веру втайне. Источники представляют обширный материал о подобного рода поведении иудействующих. В зависимости от обстоятельств «русские евреи» либо открыто исповедовали свою веру, либо таились «под видом наружного благочестия». В последнем случае они посещали церковь, участвовали в православных таинствах: крестили детей, исповедовались, причащались, «ущерковляли» брак. Подобная практика отражала внутреннюю эволюцию самого человека, колеблющегося между следованием вере и инстинктом самосохранения, постепенно, не сразу преодолеваящего страх, но была реакцией на «изгибы» правительственной политики в отношении субботников. По всей видимости, внешняя принадлежность к Церкви в определенные периоды не составляла для иудействующих особой моральной проблемы» [14].

Выводы

Михайловская эпопея весьма показательна по нескольким характеристикам, присущим фронтальным территориям, к которым в полной мере относилась Астраханская губерния XIX в. В первую очередь, это высокий градус религиозности и богоискательства. Казалось бы, люди, затерянные в глухой степи, вдали от более или менее цивилизованных территорий, в местностях с чрезвычайно тяжёлым климатом и рискованным земледелием, должны быть озабочены выживанием и нормальным существованием. Но спасение души и «правильная», по их мнению, вера всё же остаются для них главным приоритетом. Высокая степень сплочённости, так необходимая на краю земли, преданность лидерам также присущи сектантам.

С другой стороны, нельзя не отметить приспособленчество и лицемерие. По словам миссионеров, «одев из страха наказания личину православия, оно [сектантство] жило вне общения с Церковью» [6, с. 661]. И как мы знаем из дальнейшего описания истории субботников села Михайловки, православие это было недолгим, а следующее «отпадение в ересь» было ещё более массовым. В феврале 1902 г. православные миссионеры обнаружили здесь уже 109 сектантов, причём во главе субботников встали потомки тех, кто когда-то обратился в православие [6, с. 657].

В целом стоит отметить, что совместное проживание православных с сектантами на территории Астраханской губернии постоянно сопровождалось конфликтами разной степени ожесточённости. Причём обращение к церковным властям зачастую успеха не имело. Последней инстанцией в разрешении конфликтных ситуаций оставались государственные структуры и военные губернаторы. При этом, разумеется, нельзя приуменьшить роль самоотверженных православных миссионеров, не останавливавшихся ни перед внедрением в секты самолично, ни под введением в религиозно-диссидентские общины своих агентов. И подавленный генерал-майором Тагайченковым «бунт» михайловских иудействующих-субботников утверждает нас в том, что именно военные оставались последним доводом и решающим аргументом в деле утверждения православного единства на Нижневолжском фронтире, впрочем, как и на других фронтальных территориях империи.

Список литературы

1. Бобров, П. Приходская летопись села Пришиб Царевского уезда Астраханской губернии / П. Бобров // Астраханские епархиальные ведомости. – 1875. – № 5. – С. 120–144.
2. Боголюбов, Д. Тамбовские жидовствующие / Д. Боголюбов // Миссионерское обозрение. – 1898. – № 5. – С. 797–801.
3. Былов, М. Раскол в Воронежской епархии при епископе Тихоне I (Святителе). 1763–1767 гг. / М. Былов // Воронежские епархиальные ведомости. – 1890. – № 4. – С. 52–64.
4. Г. М. Секта жидовствующих / Г. М. // Домашняя беседа. – 1875. – Вып. 18. – С. 541–550.
5. Забытые судьбы: памятная книга священнослужителей Царевского и Черноярского уездов Астраханской епархии (в границах Калачевской епархии Волгоградской митрополии): биографический справочник: конец XVIII – начало XX в. / авт.-сост.: А. А. Клушин, И. О. Будков. – Волгоград : Станица-2, 2016. – 752 с.
6. К истории сектантства в Астраханской епархии. Михайловские субботники // Астраханские епархиальные ведомости. – 1903. – № 13. – С. 653–661.
7. Львов, А. Л. Соха и Пятикнижие: русские иудействующие как текстуальное сообщество / А. Л. Львов. – Санкт-Петербург : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2011. – 328 с.

8. Мальцев, А. И. Беловодье / А. И. Мальцев // Православная энциклопедия. – Москва : Православная энциклопедия, 2002. – Т. 4. – С. 534–535.
9. Минц, Л. Блистательный Химьяр и плиссировка юбок / Л. Минц. – Москва : Ломоносов, 2011. – 272 с.
10. Островский А. Б. Беловодье староверов Алтая / А. Б. Островский, А. А. Чувьуров // Вестник русской христианской гуманитарной академии. – 2011. – Т. 12, вып. 3. – С. 8–15.
11. Покровский, Н. Н. К постановке вопроса о беловодской легенде и бухтарминских «каменщиках» в литературе последних лет / Н. Н. Покровский // Общественное сознание и классовые отношения в Сибири в XIX–XX вв. Бахрушинские чтения. – Новосибирск : Новосибирский ун-т, Ин-т истории, филологии и философии СО АН СССР, 1980. – С. 115–133.
12. Саввинский, И. Очерки истории Астраханской епархии с 1602 по 1902 г. / И. Саввинский. – Ростов н/Д : Фолиант, 2002. – 632 с.
13. Хижая, Т. И. «Образам святым не поклоняться...»: восприятие библейского запрета в культуре русских субботников XVIII–XIX вв. / Т. И. Хижая // Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия. – 2018. – № 1. – С. 115–133. – doi: 10.31168/2658-3356.2018.9
14. Хижая, Т. И. Движение иудействующих в России во второй половине XIX в. Часть 1 / Т. И. Хижая. – URL: <http://simvol-veri.ru/xp/dvijenie-iudeistvuushix-v-rossii-vo-vtoroie-polovine-xix-v.-chast-1.html> (дата обращения: 08.03.2020).
15. Цари, святые, мифотворцы в средневековой Европе / М. А. Бойцов, А. Ю. Виноградов, О. С. Воскобойников и др. ; отв. ред. М. А. Бойцов, О. С. Воскобойников ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Москва : Высшая школа экономики, 2016. – 310 с.
16. Чистов, В. К. Легенда о Беловодье / В. К. Чистов // Труды Карельского филиала АН СССР. – Петрозаводск : Карельское книж. изд-во, 1962. – Вып. 35. – С. 116–181.
17. Чистов, В. К. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд) / В. К. Чистов. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2003. – 538 с.

References

1. Bobrov, P. Prihodskaya letopis sela Prishib Tsarevskogo uезда Astrahanskoj gubernii [Parish chronicle of the village of Prishib, Tsarevsky district, Astrakhan province]. *Astrahanskije eparkhialnje vedomosti* [Astrakhan Diocesan Gazette]. 1875, no. 5, pp. 120–144.
2. Bogolyubov, D. Tambovskie zhidovstvuyushchie [Tambov Judaizers]. *Missionerskoe obozrenie* [Missionary Review]. 1898, no. 5, pp. 797–801.
3. Bylov, M. Raskol v Voronezhskoj eparhii pri episkope Tikhone I (Svyatitele). 1763–1767 gg [Schism in the Voronezh diocese under Bishop Tikhon (Prelate) 1763–1767 years]. *Voronezhskie eparkhialnje vedomosti* [Voronezh Diocesan Gazette]. 1890, no. 4, pp. 52–64.
4. G. M. Sekta zhidovstvuyushchih [Judaizing sect]. *Domashnyaya beseda* [Home conversation]. 1875, iss. 18, pp. 541–550.
5. *Zabytye sudby: pamyatnaja kniga svyashchennosluzhitelej Tsarevskogo i Chernoyarskogo uезdov Astrahanskoj eparkhii (v granitсах Kalachevskoy eparkhii Volgogradskoy mitropolii): biograficheskij spravochnik: konets XVIII – nachalo XX v.* [Forgotten fates: a memorial book of the clergy of the Tsarevsky and Chernoyarsk districts of the Astrakhan diocese (within the borders of the Kalachevsky diocese of the Volgograd metropolis): a biographical guide; the end of XVIII – the beginning of XX]. Volgograd: Stanica-2; 2016, 752 p.
6. K istorii sektantstva v Astrahanskoj eparhii. Mihaylovskie subbotniki [On the history of sectarianism in the Astrakhan diocese: Mikhailovskiy subbotniks]. *Astrahanskije eparkhialnje vedomosti* [Astrakhan Diocesan Gazette]. 1903, no. 13, pp. 653–661.
7. Lvov, A. L. *Soha i Pyatiknizhie: russkie iudeystvuushchie kak tekstualnoe soobshchestvo* [The Plague and the Pentateuch: Russian Judaizers as a Textual Community]. St. Petesburg: European University in St. Petersburg; 2011, 328 p.
8. Mal'tsev, A. I. Belovode [Belovodie]. *Pravoslavnyaya entsiklopediya*. Moscow: Pravoslavnyaya entsiklopediya; 2002, vol. 4, pp. 534–535.
9. Mints, L. *Blistatelnyj Himyar i plissirovka jubok* [Brilliant Himyar and pleated skirts]. Moscow: Lomonosov; 2011, 272 p.
10. Ostrovskiy, A. B., Chuvyurov, A. A. Belovode staroverov Altaja [Belovodie Old Believers of Altai]. *Vestnik russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii* [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy]. 2011, vol. 12, iss. 3, pp. 8–15.
11. Pokrovskij, N. N. K postanovke voprosa o belovodskoj legende i buhtarminskih "kamenshchikah" v literature poslednih let [To setting the issue of the White Legend and Bukhtarmin "Masonry" in the literature of recent years]. *Obshchestvennoe soznanie i klassovye otnosheniya v Sibiri v XIX–XX vv. Bahrushinskiye chteniya* [Public consciousness and class relations in Siberia in the XIX–XX centuries. Bakhrushin readings]. Novosibirsk: Novosib. un-t, In-t istorii, filologii i filosofii SO AN SSSR; 1980, pp. 115–133.
12. Savvinskij, I. *Ocherki istorii Astrahanskoj eparkhii s 1602 po 1902 gg.* [Essays on the history of the Astrakhan diocese from 1602 to 1902 years]. Rostov-on-Don: Foliant; 2002, 632 p.
13. Hizhaya, T. I. "Obrazam svyatym ne poklonyat'sya...": vospriyatie biblejskogo zapreta v kul'ture russkih subbotnikov XVIII–XIX vv. ["Don't Worship Images of the St.s": Perception of the Biblical Prohibition in the Culture of Russian Subbotniks of XVIII–XIX s]. *Kul'tura slavyan i kul'tura evreev: dialog, skhodstva, razlichiya* [The culture of the Slavs and the culture of the Jews: dialogue, similarities, differences]. 2018, no. 1, pp. 115–133. doi: 10.31168/2658-3356.2018.9
14. Hizhaya, T. I. *Dvizhenie iudeistvuushchih v Rossii vo vtoroj polovine XIX v. CHast' 1* [Movement of Judaings in Russia in the second half of XIX s. Part I]. URL: <http://simvol-veri.ru/xp/dvijenie-iudeistvuushix-v-rossii-vo-vtoroie-polovine-xix-v.-chast-1.html> (accessed: 08.03.2020).
15. Bojcov, M. A., Vinogradov, A. Yu., Voskobojnikov, O. S. *Cari, svyatye, mifotvorcy v srednevekovoj Evrope* [Kings, St.s, myth-makers in medieval Europe]. Ed. by M. A. Bojcov, O. S. Voskobojnikov. Moscow: Vysshaya shkola ekonomiki; 2016, 310 p.
16. Chistov, V. K. *Legenda o Belovod'e* [Legend of Belovodie]. *Trudy Karelskogo filiala AN SSSR* [Proceedings of the Karelian Branch of the Academy of Sciences of the USSR]. Petrozavodsk: Karelskoe knizhnoe izdatelstvo; 1962, iss. 35, pp. 116–181.
17. Chistov, V. K. *Russkaya narodnaya utopiya (genezis i funkcii social'no-utopicheskikh legend)* [Russian folk utopia (genesis and functions of social and utopian legends)]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin; 2003, 538 p.

Информация об авторе

Канатьева Н. С. – кандидат биологических наук, магистр истории.

Information about the author

Kanatieva N. S. – Candidate of Biological Sciences, Master of History.

Статья поступила в редакцию 14.04.2022; одобрена после рецензирования 11.05.2022; принята к публикации 30.06.2022.

The article was submitted 14.04.2022; approved after reviewing 11.05.2022; accepted for publication 30.06.2022.